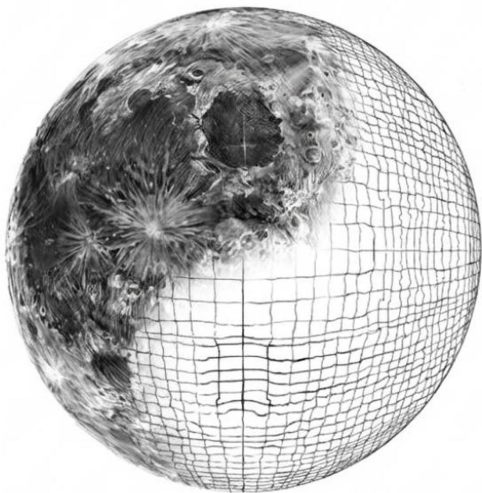

Александр Родин

три рассказа

Александр Родин

Три рассказа

<https://litres.ru/64035821>

SelfPub; 2025

Аннотация

Рассказы описывают одну и ту же историю. Лирическое начало волнами затягивает в открытый океан главных вопросов.

Содержание

Она	5
Норма	9
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Родин

Три рассказа

Моим детям

Она

Она не знала, нравится ей всё это или нет. Никогда не задумывалась, как она ко всему этому относится. У неё никогда не было ни восторга, ни уныния. Вокруг жизнь просто шла уверенными шагами в неизвестное направление. И ей было интересно, как идёт эта жизнь. Интересно, как зимой багровеет горизонт и восходит солнце, как в ноябре всё вокруг замирало и было слышно, как падают огромные хлопья снега. Интересно, как иногда большими неровными резкими лентами всё вокруг само по себе начинало колыхаться, выписывать кружева на земле или подниматься к небу.

В конце августа обычно начинались дожди и заканчивались только с наступлением морозов, коротко прерываясь на бабье лето. Неспешная суeta выживания шла незримой спутницей жизни. Всегда кто-то куда-то торопился, что-то происходило. Эта суeta обнимала её. Иногда сжимала до боли, иногда отпускала так, что от ощущения свободы хотелось летать.

Бесконечное внутреннее колесо однообразных событий одинаково вращалось, делая за двенадцать лет свой полный оборот. Она занималась своими обычными делами, как вдруг, без всяких видимых причин, это колесо остановилось. За секунду она поняла, что у неё внутри есть это колесо, что оно вращалось столько, сколько она себя помнила, и что вот,

прямо сейчас, оно перестало вращаться. Привычный мир выглядел так же, но ощущения от него стали совсем другие. Как сон наяву. И если во сне нельзя определить, как всё началось, то здесь, в эти доли секунды, она отчётливо помнила, как что-то закончилось и что-то началось.

В следующую секунду её охватил страх. Глубокий, холодный страх выдернул её обратно, и колесо закрутилось снова. Привычная картина мира восстановилась, ощущения пропали, а воспоминание о колесе растворилось. Ещё через секунду она уже не знала ни про это колесо, ни про свои новые ощущения.

Если бы она задала себе вопрос, что самого значимого произошло с ней за следующие одиннадцать с половиной лет, не задумываясь бы ответила, что за это время она научилась помнить свои ощущения в моменты, когда внутреннее колесо останавливается. Если бы это можно было описать, она сравнила бы эти ощущения с разглядыванием огромной умной книги. Когда среди огромного количества вещей отчётливо видишь саму книгу, можешь подойти к ней, перелистывать страницы и даже ясно различать символы, но не понимаешь, что значит каждый из них. Даже не понимаешь того, что этот символ должен что-то значить. При том, что всё было совсем непонятно, эти необычные ощущения с каждой остановкой колеса окрашивали и наполняли её жизнь всё сильнее.

Первый раз в жизни у неё появилась цель – понять, что

всё это значит. Понять, что это за колесо, почему оно крутится, кто его запустил, почему оно останавливается, а главное, что это за книга, которая рассказывает ей о реальности несравнимо больше, чем всё, что она видела раньше.

Она всегда гордилась своим умением жить стабильно, перемещаясь из одного устойчивого состояния сразу в другое, ещё более устойчивое. Точно зная, что её там ожидает. Мало того, что цель вела её в неизвестном направлении, само движение, как оказалось, было невозможно без прыжков, где в любой момент времени устойчивого состояния нет вообще, а единственная возможность не упасть – это фокусировать внимание, привязывая себя к цели воображаемой верёвкой. Тянуть себя изо всех сил, сохраняя скорость. Она вообще не могла представить себя и скорость вместе.

За следующие шесть лет она бесконечно много делала прыжков и бесконечно много раз теряла равновесие и падала. Иногда падала так, что связь с целью обрывалась, и она забывала, куда идёт и зачем вообще всё это надо. Но в какой-то момент внутреннее колесо опять на секунду останавливалось, и она всё вспоминала. Иногда вспоминала даже то, что она всё это забывала уже десятков раз. Как сон внутри сна.

Первые годы этого нового цикла научили её естественно воспринимать падения и неудачи. Она поняла, что это такая же норма, как любимый восход. Что её необычное ощущение мира сохраняется намного дольше, если в повседневной жизни всего лишь не поддерживать то, что ей вредит. Всё, о

чём рассказывала ей книга, оказывается, было с ней всегда, и, чтобы научиться её читать, нужно фокусироваться на настоящем. Даже ради выживания не погружаться в состояние бесконечной внутренней борьбы и спешки. Достаточно перестать спешить в будущее и не тянуться в прошлое, чтобы сохранялось врождённое умение читать эту книгу.

На севере показалась первая звезда, и через час всё небо превратилось в бесконечно глубокую, мерцающую и молчаливую россыпь. Ближе к полуночи, освещая весь лес ровным тёплым светом, из-за сопки неспешно всплыла полная луна, затмевая ближайшие звёзды своим жёлтым ореолом.

Ощущая себя частью единого леса, здесь и сейчас она чувствовала, как через неё проходит энергия тысяч таких же деревьев, как она. И как эти тысячи ощущают её, создавая единый зелёный ковёр жизни. Как обычная Ёлка, она знала, что её бесконечное колесо выживания рождает могучий лес, а, как лес, она вспомнила, что всегда любила себя Ёлкой.

Норма

Последние пару лет Володя уже не пытался как-то полезно занимать путь на работу. В какой-то момент он понял, что это единственное время побыть в настоящем. Таким, какой он есть для себя самого. Дорога туда занимала около полутора часов, а обратно домой – около двух. Почти три с небольшим часа по будням Володя был один на один с собой.

В дороге мысли неспешно перетекали из одной истории в другую и, периодически, совсем останавливались. Моменты, когда в голове случалась пустота, со временем наступали всё чаще и каким-то странным образом стабилизировали вектор следующих рассуждений. Чем дольше удавалось вообще ни о чём не думать, тем быстрее и легче работала голова потом. Примерно пару месяцев назад, может быть, чуть позднее, он научился погружаться в такое состояние не спонтанно, а по желанию. Оставаться долго в такой пустоте было сложно, но даже несколько секунд позже давали хороший фокус и глубину картины мира.

Очередную остановку ума толкнула странная мысль. Он подумал о том, какой у человека совершенный организм, который без посторонней помощи может прожить от рождения до смерти. Рождаться самому и производить на свет себе подобных. Насколько эффективно самоуправляется и развивается эта огромная и непостижимо сложная система. И для

этого ей достаточно просто не вредить. Не нужно помогать или поддерживать – просто не вредить. Удивительно.

Удивительно, что такая непостижимо сложная система в микроуровне допускает странные ошибки на макроуровне. Вот, например, раздражение. Почему человек раздражается. Чтобы что? Как это ему помогает? Или вот чувство вины. Ничем не помогает, всегда только вредит. Как эволюция за миллионы лет вообще могла привести к такому совершенному организму и раздражению одновременно? Володя начал задавать себе такие вопросы ещё в юности, но до сих пор не нашёл на них ответа.

Его размышления прервала очередная нахальная загадка в сообщении от знакомого. Володя не нашёл разгадку и ничего не ответил, а для себя объяснил это очередной идиотской попыткой товарища показать себя умнее его и заметил, как микродоза унижения поднимает раздражение от живота к горлу. Ещё через минуту товарищ написал правильный ответ. Раздражение раздвоилось на чувство вины перед товарищем и ещё большее раздражение из-за того, что не ответил на школьный вопрос. Володя быстро отправил товарищу сухой смайлик, как бы подчёркивая, что на самом деле сразу всё понял, но просто не счёл нужным отвечать на такой банальный вопрос.

Ему было понятно, что раздражение было вызвано ощущением унижения, но непонятно, откуда тогда оно взялось.

Ни вопрос, ни товарищ его не унижали. Получается так, что он сам, в своей голове, унизил себя и сам же сопровождал все остальные реакции. Володя уже наблюдал эту реакцию и у себя, и в своём окружении уже много лет. Даже думал, что понимает почему так происходит и у молодых, и у просветлённых сединой людей. Но каждая ситуация, с которой он сам не мог справиться, вызывала у него либо агрессию, либо чувство вины.

Ему показалось прекрасной идеей вспомнить возраст, когда он отреагировал бы на вопрос товарища вниманием, а не раздражением. Почему-то он подумал, что раньше он никогда не делал себя жертвой. А вот, вроде бы, совсем недавно, всё чаще, эта когнитивная ошибка стала чуть ли не шаблонной реакцией на неудобную реальность. Сначала отмазывая годы, а затем и десятки, он постепенно отмотал сорок лет, и Вовочка отчётливо увидел себя маленьким.

Он был болезненным ребёнком. Болел он чаще, чем был здоровым. Частые ОРВИ иногда перетекали в осложнения на горло и лёгкие. Вся семья берегла Вову от любой угрозы. Он ощущал себя полностью защищённым родителями в этом непонятном и огромном мире. С момента, как он себя помнил и до самой школы, бабушка хвалила его за то, что он хорошо поел, и ругала за то, что поел плохо. С пяти лет мама урывками пыталась научить читать к школе. Когда он верно складывал слог из трёх букв, жарко его хвалила, стимулируя к дальнейшим успехам. Но к успехам у Вовы интереса

не было. Ему было достаточно того, что он чувствовал себя хорошим без непонятных и трудных достижений.

В шесть лет появился отчим, который заботился по-своему. Приучая мальчика к дисциплине, он ругал его за нежелание делать зарядку по утрам, за ненормальное увлечение компьютерными играми, полное отсутствие интереса к чтению и математике. При этом тщательно показывал, как им доволен, когда Вова без помощи отжимался хотя бы один раз или правильно сложил два плюс семь.

В общем, родители, выставя минимальную планку нормы для ребёнка, тоже чувствовали себя хорошими. Просто, потому что так проще радоваться за себя и за своё дитя.

Как и положено в хорошей семье, к семи годам мальчик делал зарядку, читал, считал до ста и пошёл в приличную школу. Преподаватели так же щедро ругали за проступки и так же щедро хвалили за ожидаемый результат. К концу первого класса, Вова точно понимал, что он очень хороший, когда делает то, что от него ожидают, и очень плохой, когда у него самого что-то не получается. В третьем классе он уже не нуждался в надзоре. Он стал достаточно взрослым и сам назначал себя хорошим или плохим по своим результатам. А впервые, получив на школьной олимпиаде первую грамоту, стало понятно, что можно быть не просто хорошим, а вообще лучшим для всех сразу.

В следующей четверти Вова заболел воспалением лёгких,

недостаточно подготовился к следующей олимпиаде по другому предмету и не вошёл даже в призёры. Как только он не стал лучшим в этой олимпиаде, он автоматически, целиком всего себя, назначил плохим. Он, Вова, человек – был плохим, потому что не получил грамоту. И от того, что он назначил себя плохим, он, под кальку, бессознательно копируя поведение родителей, чуть сильнее почувствовал себя хорошим.

Вова пытался стать хорошим и через достижения, и через наказания, и назначая плохими других. Достаточно было сделать других плохими, чтобы самому на их фоне стать хорошим. От этой мысли Володя даже улыбнулся, вспомнив, как он, взрослый, умный и статный мужчина, обладающий властью, недавно назначил своего товарища плохим за неудобное сообщение только для того, чтобы самому оставаться хорошим.

Володя прекрасно понимал, что всё это правда, и в общем-то банально. Занятно было то, что он сохранил эту детскую реакцию будучи уже взрослым. Нельзя сказать, что он всегда поступал так. Например, в рабочих вопросах он считал себя образцом холодного расчётливого ума и уже давно не позволял эмоциям вмешиваться в принятие решений. В одном информационном контексте он был взрослым и полностью самостоятельным человеком, который брал ответственность за всё что делал. В другом оставался школьником, неистово и бессознательно приспособливающимся к

среде.

Поразительно. Оказывается, что детское бессознательное желание быть хорошим для родителей и преподавателей руководит им по сей день в тех контекстах, в которых такое поведение не вызывало конфликтов. Рабочий информационный контекст давал быструю негативную обратную связь на нелогичные поступки. Внутренний контекст, в котором он всегда был только один, никакой негативной обратной связи не давал и детские шаблоны ума тихонько жили и воспринимались как объективная реальность. Покупая подарок семье, он хотел быть хорошим мужем и отцом. Отпуская сотрудника в отпуск, ему было всё равно что думают о нем сотрудники и насколько он будет плохим или хорошим. Ему важно было получить отдохнувшего бойца, который может приносить больше прибыли. Разговаривая со старыми друзьями, он опять хотел быть хорошим и очень зависел от их мнения. Наверное, подумал он, вместо угроз, его родители и школа могли бы корректировать его и учить как правильно. Научить решать задачу, а не оттачивать технологии приспособления. Но почему-то, ни школа, ни родители, ни он сам, этого не сделали.

Водитель остановил большую чёрную машину перед входом в коренастый дом XVIII века с видом на северную стену Кремля и прервал рассуждения Владимира Сергеевича.

Помощница искренней улыбкой встретила его возле лифта и напомнила про все важные дела на сегодня, пока они шли до офиса.

Владимир жил своей компанией. Сам был трудоголиком и подбирал себе таких же людей. Производственные задачи для его людей должны стоять выше личных. Профессионализм, преданность идее и лично ему – вот залог карьерного роста его подчинённых и успеха в его проектах. Так и только так можно добиться высокого результата, а любой другой результат считался недоработкой и вызывал у Володи физическое ощущение дискомфорта, а иногда даже боли где-то в горле, груди или животе. Однако, ожидаемый результат и победы обычно не приносили ни восторга, ни даже радости и всего лишь ненадолго снимали чувство постоянной неудовлетворённости.

Сегодня планировался самый обычный рабочий день. Несколько утренних летучек, одно увольнение и обед с будущими партнёрами. Во второй половине дня, Владимир Сергеевич устраивал для себя часовой отдых. Пробегал по личным ставкам на фондовой бирже, читал новости и смотрел развлекательные картинки. Картинки быстро переключали его от рабочих мыслей и останавливали бесконечный внутренний диалог с собой.

Пандемия служила поводом и для новостей, и для картинок, которые снижали градус серьёзности обстановки. Он знал, что штамм вируса был опубликован в исследовании

уважаемого канадского университета ещё восемь лет назад. Что ещё двадцать лет назад читал рассказ «Ухань 26» и сегодня ему казалось забавным, как мир во всем обвиняет бедных людей в самой богатой стране, которые неправильно приготовили несъедобных животных.

Внезапная смена правительства в стране за несколько месяцев до пандемии тоже тихо намекала на неслучайность. Это был не первый случай в истории, когда политическое и финансовое напряжение в мире пытались решить без оружия. И лично он был полностью согласен с тем, что ненастоящая мировая пандемия гораздо лучше, чем настоящая Третья мировая война.

Владимир Сергеевич прекрасно понимал что происходит на самом деле, как работает «окно Овертона» и ловко умел пользоваться им сам. На какой-то из посиделок со своими сотрудниками он даже придумал пример про бегемота. Допустим, вам нужно, чтобы люди считали бегемотов лучшими домашними животными. Пропаганда в лоб никогда не работает, пока ещё люди не настолько глупы, но мы к этому уверенно идём. Чтобы пройти рубеж критического мышления людей, нужно взять в союзники их какую-нибудь фундаментальную потребность. Например, чувство собственной значимости. Тогда начать можно примерно так: «Мы все достойные люди, и мы не можем оставлять без внимания животных Африки». Это не встретит отторжения и вообще останется без внимания. Но мы сделали первый шаг. Дальше,

ссылаясь на предыдущий, уже известный «месседж», фокусируем внимание: «Бегемоты – самые обделённые вниманием животные. Они лучшее, что смогла дать нам Африка, но они так беззащитны и уязвимы». Возможно, люди обратят какое-то внимание. Ну, допустим. Пусть бегемоты уязвимы. Ещё люди подумают, какие же кругом дураки, размышляющие об уязвимости бегемотов. Теперь можно опереться на глупый мир, чтобы сделать себя умнее. В финале, ссылаясь на предыдущие два шага, выносим в массу идею: «Кто, если не мы, одомашнит этих животных, ведь иначе им грозит вымирание!»

Первые два шага по отдельности не являются абсурдными. Банальные вещи, которые кое-как смазаны желанием народа быть причастным к чему-то большему, чем он сам. Быть умнее, чем большинство, а значит, быть хорошими. Третий шаг просачивается как, якобы, логичный вывод из двух предыдущих и уже принятых. Очевидный софизм почти никто не заметит. В школах и институтах учат сдавать экзамены и никогда по-настоящему не учили думать за пределами контекста.

Умение правильно разделить большое на малое – один из основных навыков выдающихся людей. А если задачу не только разложить по шагам, но ещё и разделить эти шаги во времени, то без сопротивления можно внедрять в массы и конкретного человека любую идею. На этот счёт есть даже анекдот про бензин, который каждый квартал немного доро-

жает: «Несмотря на падение цен на нефть, падения цен на бензин удалось избежать». Если бы бензин разом подорожал на 20% – это вызвало бы волну возмущения. А если за два года поэтапно подорожает на 50% – это люди воспримут как норму.

День закончился суетой операционных задач. По дороге домой Владимир Сергеевич включил лёгкий массаж спины и уснул на заднем сидении автомобиля.

Ни на следующий день, ни даже через полгода, Владимир не возвращался к теме раздражения и чувства вины. Семья, работа, опять семья, и опять работа не выпускали его из своего контекста. Через какое-то время он вообще забыл про свои рассуждения в тот день.

Владимир Сергеевич, как обычно, доехал до офиса и поднялся в свой кабинет. Первая половина дня прошла очень плавно, как он любил – без неожиданностей. После обеденного отдыха к нему подошла помощница и почему-то шёпотом, почти минуту что-то говорила ему на ухо. Шеф почувствовал, что его руки холодеют и он попросил её выйти. Почти одновременно произошли два никак не связанных между собой события, которые могли похоронить одним днём треть капитала компании и, потенциально, его самого. Во-первых, самая перспективная компания по производству грузовых электрокаров, вопреки всем прогнозам, внезапно объявила себя банкротом. Во-вторых, была останов-

лена стройка одного из крупнейших газопроводов.

Как? Где он ошибся? Почему не предвидел? Почему узнал последним? Он вспотел, сердце скомкалось в груди и пульс отчётливо ощущался верхним нёбом. Затылок налился свинцом и спазм из живота поднимался по пищеводу в горло. Дрожащими руками он кое-как достал свои таблетки, разжевал их и, не запивая, проглотил.

Немного придя в себя, он продиктовал помощнице письмо своим клиентам, перевёл на неё все входящие с мобильного и поехал за город. Владимир Сергеевич знал, что сначала нужно успокоиться. Ему нужна была долгая ровная дорога. Сколько он себя помнил, дорога всегда успокаивала его. В дороге приходили самые интересные мысли. В дороге он принимал самые сложные решения. Дорога давала отсечение от повседневности, как полет на безмоторном планере на восходящих тёплых потоках. Дорога становилась зеркалом, через которое можно на всё смотреть со стороны, не погружаясь. Дорога делала его самим собой.

Сначала мысли потекли медленнее, потом замедлились ещё сильнее и остановились совсем. Потеряв чувство времени, Володя наблюдал, как у него совсем нет мыслей. Он наблюдал, как уходят спазмы в стопах, животе и горле. Как уходит чувство безысходности, острого недовольства собой и ненависти к миру.

Внутреннее озеро покоя качнула необычная мысль. Почему в этом состоянии всё не так? Мир был такой же, он сам,

вроде, был такой же. Что поменялось? Очевидно, что меняется что-то в его восприятии, а не в мире или ботинках. Володя был предельно далёк от религиозного, а тем более эзотерического опыта и всегда старался объяснить всё рационально. Очень грубо, ум он воспринимал, скорее, как слаженную работу тысяч сложных программ, подобных тем, что делают его ребята для анализа рынков на основе свёрточных нейронных сетей. И теперь эти нейронные сети наблюдали за собой изнутри.

В этот же момент он предельно ясно понял, что никакого мира он напрямую не воспринимает. Существует какая-то проекция этого мира в его голове, которую он далее воспринимает как реальность. Ни он, ни кто-либо другой не воспринимает мир напрямую. Мир воспринимался из отражения в его голове. Володя и раньше знал, что оценка мира происходит на основе ожиданий, но предполагал, что этими ожиданиями управляет не он, а некая объективная реальность, логика, если угодно. Сейчас стало понятно, что ожидания – это тоже встроенная в голову особая нейросеть. Результат её работы можно было ёмко выразить всего одним словом – норма. То, что воспринималось как нормальное, не имело эмоционального окраса совсем. Независимо от морали, последствий, сложности содержания или исполнения то, что воспринималось нормальным, далее просто работало как его любимые часы. Вот, например, его месячный доход за последний год не падал меньше дохода успешного менеджера

за десять лет. Это норма. Если доход упадёт – это будет за пределами нормы и автоматически доставит боль. И вот тут непонятно: норма поддерживает боль или помогает её избежать? А если норму убрать? Что если действовать, опираясь не на норму? А на что тогда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.